

Отдел I. Оригинальные статьи.

Памяти профессора Алексея Александровича Панормова.

Проф. В. В. Вормса и В. И. Разумовского.

(С портретом).

I. Памяти дорогого учителя.

Алексей Александрович Панормов, сын священника, родился 4 октября 1859 года в Бугульминском уезде, Самарской губернии. Среднее образование получил в Самарской духовной семинарии, из которой в 1877 году поступил на медицинский факультет Казанского Университета. Уже в студенческие годы А. А. обнаружил влечение к научным изысканиям. Работая под руководством выдающегося физиолога, профессора П. М. Догеля, он выполнил свою первую научную работу „О солях калия в сердечной мышце“, удостоенную золотой медали. По окончании Университета А. А. занимает должность ординатора при кафедре Факультетской Терапевтической клиники, где и продолжает научно работать под руководством виднейшего терапевта, профессора Н. А. Виногоградова, ученика С. П. Боткина. Его первая работа при клинике, „К локализациям в головном мозгу“, обратила на себя внимание невропатологов. Далее следует ряд работ, направленных к разрешению одной из важнейших проблем обмена веществ—обмена углеводов. Эти работы следующие: 1) „Examen chimique et anatomo-pathologique des quelques organes d'un diabétique“; 2) „О количественном определении гликогена и посмертном образовании сахара в печени“; 3) „К физиологии мышечного гликогена“; 4) „Доказано-ли, что виноградный сахар—постоянная составная часть мочи“; 5) „Характер ферментации в печени“ и некоторые другие.

Как видно из приведенного перечня работ, А. А. Панормов-клиницист выявляет здесь свою настоящую склонность: его внимание привлекают по преимуществу теоретические вопросы, химическое направление в его научных изысканиях выступает ярко и определенно. Обладая незаурядными дарованиями, А. А. по истечении 4 лет ординаторского стажа представляет в Факультет диссертационную работу, удостоивается степени доктора медицины, а еще через год, по прочтении пробной лекции о диабете, утверждается приват-доцентом частной патологии и терапии. С 1886 года он ведет свои научные работы в Лаборатории физиологической химии и вместе с тем руководит студенческим физиолого-химическим практикумом, занимая должность лаборанта. Но с клиникой он не порывает,—как приват-доцент частной патологии и терапии, он читает специальный курс болезней печени. Это раздвоение между клиникой и лабораторией, как то можно было предвидеть продолжается впрочем недолго,—пытливый ум А. А. находит полное удовлетворение в физио-

лого-химических работах, здесь его истинное призвание, и он отходит от клинической медицины, вставая всеми корнями в лабораторию, которую уже не покидает до конца своей жизни. В 1894 году А. А. занимает кафедру физиологической химии в Казанском Университете в качестве экстраординарного профессора, а с 1898 года—как ординарный профессор.

Какая сила приковала так прочно клинициста - Панормова к Лаборатории физиологической химии? Я, один из учеников А. А., могу дать на это ответ: твердое убеждение, что важнейшие проблемы внутренней медицины требуют для своего разрешения химического подхода. Об'ективные условия для работы в этом направлении были тогда в Казани налицо,—они обеспечивались блестящими представителями прикладной и чистой химии, которые возглавляли в то время кафедры фармакологии, физиологической химии и органической химии в Казанском Университете. Это были: проф. П. М. Догель, проф. А. Я. Щербakov, ученик виднейшего русского физиолого-химика А. Я. Данилевского, и проф. А. М. Зайцев, гордость русской химической науки. В лабораториях этих видных представителей научной мысли, под их руководством, и формировался физиолого-химик А. А. Панормов.

Не перечисляя всех научных работ А. А-ча, я отмечу только, что главнейшие из них были посвящены труднейшей проблеме химии, над которой работали поколения физиолого-химиков и частью чистые химики—проблеме белковых тел. Упорно работая в этой области, А. А. заражал своими идеями и своих ближайших учеников, из которых трое,—В. В. Вормс, С. М. Максимович и Слоним,—занимают университетские кафедры в Саратове, Ростове и Ташкенте. Преданность науке, исключительная трудоспособность и недопустимость каких-либо компромиссов в отношении научных изысканий—вот те основные черты, которыми можно охарактеризовать А. А-ча, как научного работника. Его постоянная готовность, как учителя, прийти на помощь своим ученикам, его стремление выработать из них столь же преданных науке работников, каким был он сам, теплые слова одобрения и утешения в трудные минуты, наконец, чисто отеческая забота об них—навсегда сохраняют в сердцах его учеников чувства глубокой благодарности и светлую память об этом заслуженном представителе науки и прекрасном человеке.

Проф. В. В. Вормс.

II. Памяти друга.

„Жизнь длится лишь мгновенье...
Только добро, творимое человеком, оста-
ется, и благодаря ему жизнь чего-
нибудь стоит“.

Ж. Ж. Руссо.

Не стало доброго, кристально-честного, всегда и всем делавшего только добро Алексея Александровича Панормова... Мы не увидим уже больше его приветливой ласковой улыбки, не услышим его задушевной речи. Тяжело терять таких людей; но особенно тяжело мне, связанному с ним дружбой, начиная с юных, почти детских лет. Живо встают предо мной далекие картины...

Вот он мальчик на школьной скамье. Сирота, воспитывавшийся в бурсе, несмотря на окружающую грубую обстановку,—он всегда был ти-

хий, приветливый, услужливый мальчик. И немало товарищи эксплуатировали его доброту: одному расскажет урок, другому поможет решить задачу или составить сочинение на заданную тему. И как любили его товарищи-ученики!... Обладая хорошим голосом и музыкальным слухом (он пел солистом в церковном хоре), он был запевалой в ученических компаниях: во время пения его лицо как-то особенно одухотворялось.—и мы все любили его слушать, любили его симпатичный, тогда детский голосок.

Вот он из 4-го класса духовной семинарии без всяких средств отправляется в Казань, сдает экзамены в Университет и делается студентом. Тяжелая жизнь... Нужда, бедность, скитание по урокам, переписка за грошовую плату чужих лекций, полуголодное существование. Но никто не слышал от него жалоб: всегда доброжелательный, готовый к услугам, он и здесь становится любимцем товарищей, для которых он всегда делает все (отказать в чем-либо он был не в состоянии), иногда рискуя даже своей карьерой; так, за одного из товарищей самарцев (слабого в науках) он сдает, по его усиленной просьбе, экзамен в Университет, и тот только благодаря ему делается студентом. Несмотря на крайнюю нужду, А. А-ч был на своем курсе одним из выдающихся студентов, получил золотую медаль за научную работу, („О влиянии калийных солей на сердце“), сделанную в лаборатории известного ученого, проф. Н. М. Догеля, и обратил на себя внимание самого талантливого из Казанских профессоров того времени, Н. А. Виноградова, который по окончании А. А-м Университета оставил его ординатором Факультетской Терапевтической клиники. Здесь уже широко развернулись его научные способности. Ряд работ о диабете (клинических и лабораторных), хорошая работа по научной неврологии о локализациях в головном мозгу (работа, которая цитируется даже в руководствах), защита солидной диссертации, доцентура по кафедре внутренних болезней...

Но практическая медицина не удовлетворяла А. А-ча. Начав химические работы еще на студенческой скамье, он увлекается химией, работает затем у профф. А. Я. Щербакова (физиологическая химия), и А. М. Зайцева (органическая химия)—и постепенно отходит от практической медицины¹). Этому способствовали его родственные отношения с проф. А. Я. Щербаковым (на дочери которого он женился) и дружба с проф. А. М. Зайцевым и его учениками профф. Сорокиным (агрономическая химия), Канонниковым (техническая химия), С. Н. Реформатским (тогда лаборант, после профессор Киевского Университета) и Альбицким (лаборант, после профессор Харьковского Университета).

В конце 80-х и в начале 90-х годов в Казанском Университете образовался дружеский кружок молодых ученых, частью естественников, частью медиков, который был известен под именем „Мухрабы“: к этому кружку примкнул и я (благодаря дружбе с А. А-чем). Мы один раз в неделю (по субботам) собирались для дружеской беседы, где обменивались мыслями о научных и общественных новостях, о событиях дня,

¹) Позже, будучи уже профессором физиологической химии, во время холерной эпидемии, он все же заведывал холерной больницей (в селе на Каме); практической медициной он занимался также летом, живя на даче в с. Ильинке, и имел обширную клиентуру среди крестьян, чуваш соседних деревень, которым обычно он раздавал и лекарства.

университетской жизни и т. п. Душою кружка был сравнительно молодой, разносторонне образованный профессор И. И. Канонников, но и старые профессора (Щербakov, Зайцев) охотно принимали участие в нашем кружке. Это был один из самых прочных дружеских кружков в Казанском Университете. А. А-ч был любимым членом всего кружка и немало способствовал своим добродушием умиротворению в случае возникновения иногда маленьких недоразумений среди членов кружка. Из этого кружка вышел ряд видных профессоров (Казань, Саратов, Харьков, Киев и др.).

Будучи бездетным, А. А-ч взял на свое попечение девочек-племянниц и племянника (из деревни, из многолюдной бедной семьи своей сестры), дал им образование. Вообще на его долю выпал жребий воспитывать сирот; кроме своих племянников, ему также пришлось потом заботиться о судьбе племянников его жены (круглых сирот), которым он также помогал материально и духовно. Выросший сиротой, А. А-ч всегда сочувственно относился к нуждам сирот. Воспитанный в идеалах 60-х годов (любимыми писателями его были Добролюбов, Белинский, Лермонтов, Тургенев, Шекспир), нетребовательный к жизни, крайне строгий к себе, безукоризненно честный, бескорыстный, он сумел и всех своих воспитанников сделать полезными членам общества. Весьма много заботился он также о своих ассистентах (трое из них вышли в профессора); одному из ассистентов он уступил даже свое платное место (преподавание в одном из учебных заведений), находя, что он больше нуждается в средствах (об этом он сообщил мне, когда я удивился его отказу от преподавания).

Тяжело переживал А. А-ч политические движения, начавшиеся в 1905 году. После того, как ему пришлось быть свидетелем уличных кровавых сцен, у него развилось даже нервное расстройство (невроз сердца, боязнь пространства и др.); дело дошло до того, что он не мог ходить без посторонней помощи (его подруку водила жена). После этой болезни, тянувшейся годы и в особенности после смерти жены (1920 г.) он совершенно замкнулся в лабораторную и семейную (он жил с племянниками) жизнь, избегая всяких собраний, заседаний и т. д. Но в интимном домашнем кружке он не переставал быть душой общества и нередко оживлял его своим добродушным, ласковым юмором.

Любили его все: дети, студенты-ученики, товарищи-профессора, но особенно любили его простые люди.—прислуга, крестьяне и др. Живя много лет с ним (холостыми мы жили на одной квартире) на даче в одном селе (с. Ильинка на Волге), я был свидетелем его умения сходитьсь с простыми людьми, особенно с крестьянами, которые охотно шли к нему по всякому делу.—и за медицинским советом, и поговорить о своих нуждах, хозяйских заботах. Просто и сердечно он всегда и всем помогал, кому чем мог. И в селе, и в городе он был известен под именем „дяди Леши“. В последний раз он приезжал погостить ко мне в Ессентуки в 1925 г. Он был трогательно внимателен к моей семье, проводил мою дочку до Москвы, откуда, переночевав у ней, отправился в Казань.

Теперь не стало нашего любимого „дяди Леши“... Но осталось добро, сделанное им в жизни,—сияющий след за его могилой. Прости и прощай на веки, дорогой, незабвенный друг и товарищ!... *Sit tibi terra levis!*...

Проф. В. Разумовский.